

## **П. П. Шмидт, каким я его вижу**

*Человек, о котором сложена легенда, получает паспорт на бессмертие.*

**Сомерсет Моэм.**

*Познаем ли счастливый стыд,*

*И, в угрызении высоком,*

*Своим провидцам и пророкам*

*Простим их беззащитный вид?*

**Марков С.**

Опубликовать эту статью мне мешала одна деталь, когда-то вычитанная, и которой я не находил подтверждения. Имеется в виду, когда после оглашения приговора все выходят из зала суда, и З. Ризберг, глядя на буфетное изобилие, по моей версии, сказала: «Как мне хочется круассанов!» Это слово меня восхищало своей фонетической неповторимостью. И какое меня постигло разочарование, когда это оказался бутерброд с семгой. Воистину дьявол познается в детали. Этот гениальный эпизод я таки нашел в очень хорошей книге Агнессы Виноградовой «Расстрелянная мечта»:

...Адвокат А.М.Александров до конца дней помнил суд над "очаковцами" и их вожак П.П. Шмидтом и все, что было связано с ним. В письме к А.П. Избаш от 29. 07.1929 г. по поводу издания ее книги "Лейтенант Шмидт. Воспоминания сестры" он пишет: *"Вы забыли один эпизод, а других совсем не знали, т.к. тогда, в Очакове, я Вам ничего не сообщил. Первый эпизод. На другой день по приезде Вы повели меня к ней (З.И. Ризберг. - А.В.) познакомиться. Я всего ожидал, но не того, что увидел. Я был подавлен, сидел и молчал. Тогда она мне говорит (жеманным отвратительным тоном): "Вы читали письма, которые мне, - здесь она сделала ударение, - написал Петр Петрович?" "Это не вам он писал", - ответил я. "А кому же?", - спросила Зинаида. "Своей мечте, фантастическому образу". Больше я ни слова не сказал, а затем ушел.*

***В Очакове Шмидт был дважды расстрелян: его расстреляло правительство, но еще большей казни его подвергла З.Р.***

В своих воспоминаниях она сознательно опустилась до неслыханной клеветы и приписала человеку, да еще Шмидту, желание съесть "бутерброды с семгой" между двумя эшафотами.

Примечательно его /адвокат А.М. Александров Р.Ю. / письмо к М.В. Альбовой от 12 мая 1936 года.

...Лица, выходявшие из зала заседания суда, невольно упирались своими глазами в комнату, где размещался буфет, т.к. двери буфетной были открыты. На огромном столе были расставлены целые горы закусок и бутербродов, точно ... (неразборчиво). Выходящие из зала заседания шли молча, можно даже сказать, что царил гробовое молчание... И вдруг среди этой тишины раздался громкий капризно-жеманный голос Зинаиды: "Петр Петрович (эти слова она растянула, точно пропела), как мне хочется бутербродов с семгой...". Все были ошеломлены, всех охватило негодование... Единственно, кто оставался спокойным, - был Петр Петрович. Улыбаясь, видимо, желая

отстраниться от нее, он взял меня под руку и тихо, но добродушно сказал: "Слышали? Как она должна любить семгу, чтобы в такую минуту ей захотелось полакомиться".

До сих пор не могу понять, как она могла произвести, даже своим жеманным голосом, впечатление на Шмидта...".

Биография П.П. Шмидта - это история предательства и одиночества. Это история русского интеллигента, который сполна заплатил за свой выбор.

К сожалению, советская историческая наука вследствие идеологических норм отучила историков создавать объективный портрет исторической личности. Подтасовка и передергивание фактов, субъективный взгляд, домысливание, их необходимый и обязательный атрибут. Мало что изменилось после развала Союза. Биографию П.П. Шмидта начали трактовать с противоположным знаком. Впервые [дискуссия о переименовании](#) возникла в Ленинграде 10 лет назад. Потом началось тиражирование этой гнусности, продолжилось [на российском канале РТР](#), книга Шигина В.В. «Лжегерои русского флота» и т. д. Эту тему подхватила желтая пресса, и этот каток докатился до нас.

Разнополюсное отношение к П.П. Шмидту первоначально я приписывал различному отношению людей к революционным событиям 1905 года. Революция неизбежна – Шмидт герой. Революция – трагедия, погубившая монархию: Шмидт психически неуравновешен, лжец, вор и т. д.

Потом пришло понимание, что наш герой не вписывается в эти условные рамки.

Прочитав не одну сотню биографических книг, я пришел к простым выводам:

1. Личные жизненные коллизии героя трактуйте уважительно и объективно.
2. Исторические факты из жизни героя должны излагаться из надежных источников, неоднократно подтвержденные.
3. Никого не интересуют ваши домыслы – факты и только факты. А потом ваши выводы.

### Несколько примеров:

Книга **О.С.Смылова «Любовь на службе царской»**: существует осторожная версия, по которой отставной лейтенант (именно с таким званием Шмидта уволили с флота) неожиданно получил наследство после смерти тетушки по матери А. Я. Эстер.

А теперь слово **Шигину В.В.**: *«Ряд биографов нашего героя пишут о некоем наследстве его тётки Анны Яковлевны Эстер (сестры матери) в 20–30 тысяч рублей, которое якобы было завещано именно Пете Шмидту. Любопытно, почему тётя все деньги завещала только ему, а не всем детям умершей сестры. Он что, был самый несчастный и обездоленный, молодой парень с офицерскими погонами? Куда обездоленной выглядела младшая сестра Анна, которой надо было бы и приданого подсобрать. Это ещё одна странность в семейных делах нашего героя. И опять возникает мысль, уж не присвоил ли Пётр Шмидт по своему обыкновению и эту сумму?..*

*Чувствуете разницу. Кстати еще раз о семге: «Едва кивнув ждавшему её внимания Шмидту, она нарочито громко и кокетливо заявила некоему сопровождавшему её господину. — Ах, как хочется вишневого варенья! И всё! С гордо поднятой головой мадам Ризберг молча прошествовала мимо обескураженного Шмидта...»*

Меня в биографии П.П. Шмидта заинтересовала его история с воздухоплаванием.

Прежде всего потому, что я не мог найти убедительных доказательств, участия П.П. Шмидта в этом проекте. Ничего доказательного, кроме нескольких газетных публикаций сомнительного содержания.

С разрешения С.И. Коржовой мне удалось ознакомиться с папкой из музея П.П. Шмидта, в которой Л.И. Иващенко собирала материалы по этому эпизоду. В этой папке самое интересное - переписка с работниками других музеев. Все они спрашивают, а был ли такой факт. На этих запросах рукой Л.И.Иващенко напротив каждого пункта карандашом «знак вопроса». Если предположить, что все так и было, то почему этот факт не отражен в воспоминаниях Е. Шмидта. На момент предположительного путешествия в Париж Е. Шмидту не было года. Маловероятно, что отец бы не рассказал сыну об этой поездке. Такой факт Е. Шмидт обязательно бы отразил.

И еще два эпизода, на которые стоит обратить внимание. В псевдоисторической литературе любят смаковать эпизод, как П.П. Шмидт гонялся со стулом за директором училища, где учился Евгений. Получается, что П.П. Шмидт сделал это беспричинно. На самом деле причина была. « Преподаватель русского языка в 6 классе (фамилию не помню) стал на уроке прохаживаться на счет революционеров. Двое учеников осмелились ему возразить и, в результате, сначала были выгнаны из класса, а затем и совсем из училища. Все это произошло в какой-нибудь час времени. Дома, за обедом, я рассказал об этой истории отцу. Отец пришел в ярость, вскочил из-за стола, надел сюртук и помчался в училище» (**Е. Шмидт**) ... И далее по тексту. Дети были восстановлены в училище, а П.П. Шмидт испортил себе репутацию в глазах недобросовестных историков.

Второй эпизод из той же серии. Это история столкновения П.П. Шмидта с лейтенантом Муравьевым в Либаве на балу и последующим арестом. С начала предистория: *«И вдруг неожиданное - Доминикия Гавриловна поведала, что ждет ребенка. Сообщение очень удивило Петра Петровича. Но он рад безмерно! Ведь это великое чудо - рождение человека! И он уже мечтает. Если родится мальчик, назвать его Николенькой ("Хватит Петров!"). А если девочка, непременно Екатериной, Катенькой.* (**Агнесса Кузнецова**).

*"В самый разгар бала, во время передышки в танцах, старший офицер транспорта „Анадырь“ лейтенант Муравьев, танцевавший с голубоглазой белокурой красоткой баронессой Крюденер, сидел и разговаривал со своей дамой. В это время старший офицер транспорта „Иртыш“ — лейтенант Шмидт, бывший на другом конце зала, подошёл вплотную к Муравьеву и, не говоря ни слова, закатил ему пощёчину».*

Существует версия, что Муравьев во всеуслышание отпустил сальное словечко по поводу беременности жены П.П. Шмидта. И тогда реакция Шмидта вполне оправдана. И она опровергает другую версию, что Шмидт устроил скандал, чтобы его списали на берег.

В Метрической книге Николаевского Адмиралтейского Собора, что в Севастополе, в разделе о родившихся под №31 [имеется запись о рождении](#) Екатерины Шмидт **6 декабря 1904 г.** Родители: 33-го флотского экипажа лейтенант **Петр Петрович Шмидт** и законная его жена **Домникия Гавриловна**.

Наверное, можно без особого труда опровергнуть «тезисы лжебиографов» П.П. Шмидта. Для этого просто нужно написать еще одну биографию.

Для меня «знак качества личности» П.П. Шмидта то, что о нем писали два великих писателя **Б. Пастернак и К. Паустовский**.

*«Превращение человека в героя в деле, в которое он не верит, надлом и гибель»* Б. Пастернак. Из письма к Марине Цветаевой.

Пастернака занимал именно примат морали над идеологией: предать матросов для Шмидта оказалось страшней, чем изменить присяге. Он возглавляет восстание, отчаявшись убедить восставших в его бесперспективности,— выбор совершенно пастернаковский и к революции прямого отношения не имеющий. (Д. Быков - биограф Пастернака).

По Пастернаку, роль личности не в том, чтобы делать историю, а в том, чтобы сохранить себя вопреки ей. Не прятаться от истории, не отвергать ее вызовы, а принимать их — и почти наверняка проигрывать; впоследствии он все это сформулирует в «Докторе Живаго» и в заметках о «Гамлете», тоже ввязавшемся в безнадежную борьбу. Пастернак считал, что лишь к сороковым годам он раскрепостился, освободился от гипнозов — но и в двадцать пятом его главной темой было несоответствие человека и его исторической роли; эту тему он пронес потом через всю жизнь, решая ее в том числе и на материале собственной биографии. История мыслится ему как драма, мистерия,— роли расписаны заранее; можно просить, чтобы чашу пронесли мимо, но отталкивать ее нельзя. Гибель за дело, в которое не веришь,— лейтмотив поэм Пастернака и его романа; говоря шире, его сквозной темой было расхождение между христианской этикой и исторической логикой.

Драма жизни Шмидта в этом смысле особенно показательна: все ее участники, включая главного героя, понимали, что разыгрывают какую-то дурную пьесу; конвоиры не хотели охранять Шмидта, судьи — судить, расстрельщики — расстреливать, сам Шмидт не хотел возглавлять восстания, матросы не хотели бунтовать (восстания «Очакова» никто в эскадре не поддержал)... словом, классическая русская ситуация: все всё понимают — и делают, повинаясь иррациональной силе. Эта же сила потом отомстит всем, кто против своей воли убивал Шмидта,— и нескончаемая цепочка насилия была подспудной темой вещи. (Д. Быков биограф Пастернака).

**К. Паустовский**, написавший «Черное море», исходил из тех же принципов:

“И теперь я думаю, что в истории русской революции нет имен, овеванных такой чистотой и благородством, как его имя; нет людей, каким был он, которые слишком любили свободу, для того, чтобы втиснуть ее в убогие рамки партий и слишком любили человека, чтобы забыть о величайшей свободе — свободе возрожденной человеческой души”.

История создания повести « Черное море» удивительна. К ее написанию причастен еще один великий [писатель Александр Грин](#).

И еще один великий писатель хотел написать о Шмидте - **А. И. Куприн**. Не получилось.

Мимолетная встреча А. Куприна произошла на одном из публичных чтений повести «Поединок».

А.И.Куприн, встретившийся со Шмидтом, незадолго до восстания, на литературном вечере в Севастополе, где писатель читал отрывки из своего "Поединка", тоже запомнил лицо тогда еще неизвестного "красного адмирала". "Бледность скорее врожденная, чем признак болезни. Несомненно, из аристократов. Лицо умное, с признаками усталости, в молодости было красивым. Запавшие щеки увеличивали нос, а вертикально глубокие складки у переносицы добавляли лет. Легко можно было дать 45, хотя ему было 38".  
**(Агнесса Виноградова)**

По окончании к Куприну подошел Шмидт и горячо поблагодарил. Александр Иванович, проводив этого офицера, долго смотрел ему в след, а потом обратился к нам со словами: «Какой удивительно чудесный человек!» (**Доктор Е. И. Аспиз**)

Чуть позже он напишет очерк "События в Севастополе", где скажет следующее:

*«Я должен говорить о себе. Мне приходилось в моей жизни видеть ужасные, потрясающие, отвратительные события. Некоторые из них я могу припомнить лишь с трудом. Но никогда, вероятно, до самой смерти, не забуду я этой черной воды и этого громадного пылающего здания, этого последнего слова техники, осужденного вместе с сотнями человеческих жизней на смерть сумасбродной волей одного человека. Нет, пусть никто не подумает, что адмирал Чухнин рисуется здесь в кровавом свете этого пожара, как демонический образ. Он просто чувствовал себя безнаказанным».*

Шмидт, прочитавший «Поединок», несомненно, увидел в Ромашеве себя и сотни офицеров Российской армии и флота.

*Незадолго до этой встречи он писал: «Эскадра, точно похоронная процессия, вся черная и мрачная. Настроение на всех судах ужасное. На берег Рождественский никого не пускает. Сам, как зверь. У одного лейтенанта заболела жена, он не пустил в Кронштадт на один день. Жена умерла, остались дети без никого из близких, и он, подлец, не пустил этого несчастного съехать на один день устроить детей... Это настоящее зверство, ничем не оправданное. Все офицеры со всех судов просили дать им помимо выданных авансов еще за 2 месяца морское довольствие, чтобы оставить дома деньги. И штаб запретил. Подумай, Дина, что это за подлое отношение к людям, которые идут на верную почти смерть. При всем этом учений почти никаких, даже самых необходимых, неподготовленность полная, просто плавучая тюрьма. Пьют, как никогда, пьют горькую. Нет, таких людей, доведенных до отчаяния, в бой вести нельзя, без дружных и доброжелательных отношений никого не победишь. Люди, озлобленные на своего вождя, за ним в бой никогда не пойдут и будут беречь только свою шкуру. Кидаем уголь беспрерывно круглые сутки. Я не раздеваюсь, весь пропитался углем».*

#### **А теперь слово П.П. Шмидту:**

*"Очень большая работа должна быть окончена, и только тогда я могу просить отпустить меня вследствие расстроенного здоровья, да и то еще не знаю, как пойдет ремонт парохода и не потребует ли он тоже моего присутствия. Надо, сыночка, смотреть на вещи по-мужски и не допускать в душе слабостей; если пароход под моим командованием потерпел такую жестокую аварию, то мой долг не избегать всей работы для приведения дела в порядок. Я хочу, чтобы "Диана" после несчастий и починки была бы лучше и крепче, чем раньше, а для этого нужен мой хозяйский глаз, если я не буду больше на ней плавать, то пусть она плавает еще долго и благополучно без меня вполне исправная. Кончу все, тогда отдохну дома с чистой совестью, а не как беглый лентяй".*

*«Я бросил военный флот только для того, чтобы остаться моряком, а не выродиться в новую разновидность человека, поклоняющегося своим правильно развешанным подштанникам и блеску судовой медяшки».*

*"Я - пожизненный депутат севастопольских рабочих. Понимаете ли, сколько счастливой гордости у меня от этого звания. "Пожизненный". Этим они хотели, значит, меня выделить из своих депутатов, подчеркнуть мне свое доверие на всю мою жизнь. Показать мне, что они знают, что я всю жизнь положу за интересы рабочих и никогда им не изменю до гроба... Я должен это ценить вдвое, потому что может быть более чуждым,*

как офицер для рабочих? А они сумели своими чуткими душами снять с меня ненавистную мне офицерскую оболочку и признать во мне их товарища, друга и носителя их нужд на всю жизнь. Не знаю, есть ли еще кто-нибудь с таким званием, но мне кажется, что выше этого звания нет на свете. Меня преступное правительство может лишить всего, всех их глупых ярлыков: дворянства, чинов, состояния, но не во власти правительства лишить меня моего единственного звания отныне: пожизненный депутат рабочих".

«Никогда не был застрахован в обществе рассудка и не буду. Это страховое общество рассудка налагает на меня такие суровые правила, так стесняет мою жизнь, что я предпочитаю остаться при риске погореть, но с ним вечного контракта не заключаю. Слишком дорого это спокойствие не погореть обходится... Я желаю не только в 10-м, а в 100-м этаже обитать и на землю желаю не по каменной лестнице остороженько спускаться, а прямо, может быть, мне любо будет с 100-го этажа головой выкинуться. И выкинусь...»

«К кому я всегда относился несправедливо и враждебно, это к начальству. Ко всякому моему начальству, начиная с гимназии, морского училища и всей моей службы. Оттого у меня и нет ни одного ордена, что приводило в справедливый гнев мою супругу. Я всегда был начальству моему на службе нужен, потому что я морское дело знаю, и они часто только мною, при своем невежестве, и держались, они заискивали у меня, хотя я был подчинен им, но не любили меня, и, когда я переставал служить с ними, то обыкновенно дурно отзывались обо мне за мою "продерзость".

«Не спал до трех часов ночи, ходил по каземату... Потом лег и лежал долго с открытыми глазами. Вдруг в каземате стало светло - вскочил, подбежал к окну. Мимо острова проходил большой пароход, прожектор с него был направлен прямо на мои окна... Мелькнула мысль в голове, что приехали спасти меня... Но пароход прошел мимо, и в каземате снова темно...»

«Прощай, Зинаида! Сегодня принял приговор в окончательной форме, вероятно, до казни осталось дней 7-8. Спасибо тебе, что приехала облегчить мне последние дни. Живи, Зинаида. ...Люби жизнь по-прежнему... Иду на [смерть] бодро, радостно и торжественно. Еще раз благодарю тебя за те полгода жизни-переписки и за твой приезд. Обнимаю тебя, живи, будь счастлива. Я счастлив, что исполнил свой долг. И, может быть, прожил недаром».

А. П. Избаш, в своих воспоминаниях отмечала: «...он всех любил, всех жалел, даже в те ранние годы и уже тогда у него начинала проявляться та необыкновенная способность страдать за других, которая красной нитью прошла через всю его жизнь, до его рокового конца».

В газете "Одесские новости" от 6 ноября 1905 года, то есть вскоре после первого ареста Шмидта, помещена заметка без подписи - "Лейтенант - борец за свободу":

"Среди своих товарищей и сослуживцев П. П. Шмидт всегда выделялся как чрезвычайно просвещенный и выдающегося ума человек, обаяние которого было неотразимым. Честная, открытая и добродушная натура этого моряка привлекала к нему симпатии всех, кто приходил с ним в близкое соприкосновение. На тех судах, где служил Шмидт, не только все члены кают-компании относились к нему с какой-то нежной, родственной любовью, но и низший персонал команды смотрел на него, как на старшего своего товарища. С глубокой грустью Петр Петрович всегда говорил в кругу друзей о

*проявлениях бюрократического произвола, и от всех его речей веяло ненасытной жаждой свободы, не личной, конечно, а общей, для всего русского населения, гражданской свободы. Дума этого человека была переполнена верой в близость свободы, верой в силу передовой русской интеллигенции".*

А вот воспоминание плававшего вместе со Шмидтом Карнаухова-Краухова, который впоследствии был одним из организаторов восстания на крейсере "Очаков" и прошел все этапы каторжного ада. Краухов плавал на ропитовском грузо-пассажирском пароходе "Игорь" в качестве ученика штурмана, когда капитаном был П. П. Шмидт.

*Команда "Игоря", - писал Краухов, - любила своего грозного и справедливого командира, безупречно подчинялась его распоряжениям и даже угадывала его жесты и движения". С глубоким уважением, вспоминает Краухов, относился Шмидт к матросам. "Мордошлепам" у меня места нет! - говорил он. -Я от них ушел с военной службы. Здесь только свободный матрос - гражданин, строго подчиняющийся своим обязанностям во время службы".*

В газете "Одесские новости" от 20 ноября 1905 года были напечатаны воспоминания о Шмидте, подписанные "Моряк".

*"Пишущий эти строки плавал помощником П. П. Шмидта, когда он командовал "Дианой". Не говоря о том, что мы все, его сослуживцы, глубоко уважали и любили этого человека, мы смотрели на него, как на учителя морского дела. Просвещеннейший человек, Петр Петрович был просвещеннейшим капитаном. Он пользовался всеми новейшими приемами в навигации и астрономии, и плавать под его командованием - это была незаменимая школа, тем более, что Петр Петрович всегда, не жалея времени и сил, учил всех как товарищ и друг. Один из его помощников, долго плававший с другими капитанами и назначенный затем на "Диану", сделав один рейс с Петром Петровичем, сказал: "Он открыл мне глаза на море!"*

Сын Петра Шмидта не принял Октябрьский переворот. В том же году, присутствуя в Севастополе на поминках по героям восстания на «Очакове», он написал: «За что ты погиб, отец! Ужели для того, чтобы сын твой увидел, как рушатся устои тысячелетнего государства, расшатываемые подлыми руками наемных убийц, растлителей совести народной, как все мерзкое, преступное и продажное душит все честное и высокое, как великая нация сходит с ума, как с каждым днем, как с каждой минутой все более втаптываются в кровавую грязь те идеи, ради которых ты пошел на Голгофу? Хотелось исступленно кричать о том, что гибнет, что уже погибла та Россия, которую так безумно любил мой несчастный отец».

Евгений участвовал в белом движении, воевал в ударных частях генерала Врангеля, стоял в последней обороне Крыма. Бежал из родного Севастополя в Стамбул, бедствовал с другими эмигрантами в лагерях. Позже перебрался в Чехословакию, где в 1926 году выпустил книгу «Лейтенант Шмидт. Воспоминания сына». В предисловии отметил: «20 лет отделяют меня от дней очаковских. С тех пор произошли события, в тысячу раз ужаснейшие, пролились моря русской крови, мир переменил свое лицо, совершилась полная переоценка ценностей во всех областях человеческого духа». Сама же книга содержала резко отрицательные оценки советской власти, которую Шмидт-младший называл сборищем утонченных садистов и иступленных злодеев, а Троцкого и Дзержинского - сверхпалачами. «Через 20 лет, читая в газетах о скопищах в голодной Совдепии многочисленных швеек, золоторотцев, убийц и международных жуликов,

носящих украденное у Французской революции название «Революционный трибунал», я вспоминаю позорное поведение судей в процессе моего отца».

Марина Цветаева, которая по просьбе Бориса Пастернака встретила с Евгением Шмидтом в эмиграции писала в письме Б. Пастернаку: *«Присылай Шмидта /Имеется ввиду поэма/ У меня в Праге был его сын и для него была трагедией добавка «Очаковский». Чудный мальчик, похожий на отца. Я помню его в 1905 г. в Ялте на пристани. Будь здоров. Обнимаю, родной».*

И последнее. Задумывая эту статью, я никоим образом не собирался вступать в полемику о переименованиях. Я хотел показать еще один тип революционера. Революционера, которого не тяготит «примат идеологии». Человека, поступающего по совести.

На «Очаковском портале» напечатана информация: «Знаешь ли ты своего депутата». В ней есть один недостаток. В ней отсутствует информация: в каких политических партиях побывал каждый народный избранник за время своей политической карьеры. И тогда можно аргументированно и предметно поговорить об «анатомии предательства».

Имел ли право П. Шмидт участвовать в Севастопольском восстании? Вопрос риторический. На это давно уже дан ответ:

Право на восстание (право на сопротивление угнетению, право на революцию) — в политической философии, право граждан любыми средствами, вплоть до вооруженной борьбы, защищать свои права и свободы от узурпаторов. Относится к естественным правам, то есть не требует подтверждения нормами позитивного права. (Википедия)

Обоснование права на сопротивление угнетению берёт начало в античном праве на тиранубийство. Уже в античные времена свободные граждане считали своим святым правом лишать жизни ТИРАНОВ. Кто с этим не согласен? Конечно же рабы, наоборот, очень любящие своих тиранов.

Впервые право на сопротивление было письменно зафиксировано в Декларации независимости США 1776 г. В преамбуле этого документа указывается, что «[...] если какой-либо государственный строй нарушает эти права, то народ вправе изменить его или упразднить и установить новый строй, основанный на таких принципах и организующий управление в таких формах, которые должны наилучшим образом обеспечить безопасность и благоденствие народа. [...] когда длинный ряд злоупотреблений и насилий [...] обнаруживает стремление подчинить народ абсолютному деспотизму, то право и долг народа свергнуть такое правительство и создать новые гарантии обеспечения своей будущей безопасности» Википедия

### **И еще:**

**7.11.1905** Высочайшим приказом по Морскому ведомству капитан третьего ранга Шмидт уволен от службы капитаном второго ранга в отставке (в Российском Императорском флоте в 1905 году не было звания капитана 3-го ранга).

**14.11.1905** поднимается на борт КР «Очаков» в качестве руководителя восставших матросов (Википедия). Т.е. военная присяга не нарушена.

Статья Т. Лупол «Дві історії, дві постаті» правильно очертила круг проблем.

Выбор за нами. Я вместе с жителями Очакова, подписавших «Звернення до міської Ради».

И помните классиков: *«Если ты выстрелишь в прошлое из пистолета, будущее выстрелит в тебя из пушки»*. (Расул Гамзатов)

***Р.С. Борис Пастернак, написавший поэму о П.П. Шмидте, пророчески увидел в нем и свою судьбу.***

### ГАМЛЕТ

Гул затих. Я вышел на подмости.  
Прислонясь к дверному косяку,  
Я ловлю в далеком отголоске,  
Что случится на моем веку.  
На меня наставлен сумрак ночи  
Тысячью биноклей на оси.  
Если только можно, Авва Отче,  
Чашу эту мимо пронеси.  
Я люблю твой замысел упрямый  
И играть согласен эту роль.  
Но сейчас идет другая драма,  
И на этот раз меня уволь.  
Но продуман распорядок действий,  
И неотвратим конец пути.  
Я один, все тонет в фарисействе.  
Жизнь пройти – не поле перейти.  
1946

### НОБЕЛЕВСКАЯ ПРЕМИЯ

Я пропал, как зверь в загоне.  
Где-то люди, воля, свет,  
А за мною шум погони,  
Мне наружу ходу нет.  
Темный лес и берег пруда,  
Ели сваленной бревно.  
Путь отрезан отовсюду.  
Будь что будет, все равно.  
Что же сделал я за пакость,  
Я убийца и злодей?  
Я весь мир заставил плакать  
Над красой земли моей.  
Но и так, почти у гроба,  
Верю я, придет пора —  
Силу подлости и злобы  
Одолеет дух добра.  
1959

*Робулец Ю. Н*